

УДК 911.53:39(470.1)+[2-13](045)

*ХУДЯЕВ Андрей Сергеевич, аспирант кафедры культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова*

## **САКРАЛЬНАЯ ГЕОГРАФИЯ КАК СИСТЕМА ОРИЕНТАЦИЙ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ЛАНДШАФТЕ НЕНЦЕВ\***

В статье представлена попытка построения модели сакральной географии в традиционной культуре ненцев. Описаны три типа пространственных ориентаций, лежащих в ее основе. Определены статический и динамический уровни восприятия природно-культурного ландшафта в религиозно-мифологической картине мира самоедов.

**Ключевые слова:** сакральная география, пространство, ориентации, стороны света, священные места, ненцы, мифо-ритуальная традиция, культурный ландшафт, остров.

В одной из своих статей М. Хайдеггер, со ссылкой на И. Гёте и И. Канта, пишет о том, что пространство относится к тем первофеноменам, «при восприятии которых человека охватывает род испуга, чуть ли не ужаса, при этом за пространством нет уже больше ничего, к чему его можно было бы возводить, от него нельзя отклониться к чему-то иному»<sup>1</sup>. Характеристика пространства у Хайдеггера повторяет основные постулаты классической феноменологии религии: в частности, учение Р. Отто о мистическом ужасе (*mysterium tremendum*) как одной из основных форм (моментов) ощущения нуминозного, а также определение священного как «последней реальности» у И. Ваха.

Подобное соответствие наталкивает на мысль о том, что и восприятие пространства и чувство священного есть фундаментальные и неделимые друг от друга аспекты человеческого бытия. В традиционных культурах из такого единства вырастает сакральная география как воплощенный в культурном ландшафте образ земного пространства или горизонтальная космологическая система, в которой каждый элемент наделен священным статусом.

В данной статье на примере традиционной культуры ненцев мы попытаемся представить модель сакральной географии как совокупность пространственных ориентаций, функционирующих на трех уровнях.

---

\* Исследование проведено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и правительства Архангельской области (проект № 12-13-29004 а/С «Образы финно-угорского, скандинавского и русского православного наследия в этнокультурном ландшафте Поморья»).

Первый универсальный для большинства культур уровень составляют направления сторон света. В космологии ненцев, как и в других традициях, такие ориентации представлены двумя осями: Север–Юг и Запад–Восток. В большинстве случаев их можно назвать астральными, т.к. строятся они на наблюдении постоянно повторяющихся небесных явлений и объектов. Первая ось возникает как ориентация на Полярную звезду, вторая формируется соответственно точкам восхода и захода Солнца. Кроме этого в ненецкой космологии формирование оси Север–Юг строится на основе миграции птиц, направления рек, изменения климата и прочих особенностей ландшафта, которые формируют годовой ритм и направление самодских касланий: летом – на север в сторону моря, где более прохладно, а зимой – на юг к лесам, защищающим оленей от выюг и морозов<sup>2</sup>.

Автор фундаментального исследования сакральных ориентаций в архаических культурах Евразии А.В. Подосинов, включая ненцев в финно-угро-самодийскую языковую общность, говорит о том, что характерной чертой картины мира этих народов является отсутствие или слабая представленность в ней ориентации «киблы», т. е. направленности «на страну света, которая в данной культуре считается сакральной, выделенной из других и предпочтительной»<sup>3</sup>. Между тем характер сакрального, отраженный в образе пространства, наделяет каждую ось сторон света дихотомическим смыслом, эксплицируя на них архетипы противоположностей. Как отмечает Н.М. Терехин, «в ненецкой символике пространства Север был связан со сферой женского, Юг – мужского»<sup>4</sup>. При этом исследователь основывается на топографии святынь о. Вайгач. По описанию архимандрита Вениамина «на этом острове издревле почитались главные два идола, один на южном конце сего острова, мужского пола, а другой на северном конце, женского рода»<sup>5</sup>. Противопоставление Севера и Юга в ненецкой культуре выражается не только в характере расположения святынь, но и в фольклоре. Л.В. Хомич приводит следующий «основной миф»

самодийцев о поединке Севера и Юга: «Гром – это шум нарт, на которых приезжают сражаться сыновья Севера с Югом, чтобы забрать дочь, некогда выданную за сына Севера и после его смерти возвратившуюся к отцу»<sup>6</sup>. Воплощая символику женского и мужского, Север и Юг приобретают соответствующие им в ненецкой культуре характеристики нечистого и чистого. Север ассоциируется с нижним миром, Юг рассматривается как мир верхний.

Запад и Восток в сакральной географии ненцев семантически связаны с Севером и Югом. При этом можно отметить пары близких по значению ориентаций: Запад=Север, Юг=Восток.

Запад, также как и Север, ассоциируется с нижним миром мертвых. Такое семантическое единство направлений «запад–север–низ» представлено в описании А.И. Шренком похоронного обряда самоедов Большеземельской тундры, в ходе которого «опускают тело усопшего, и при том так, чтобы голова направлена была к З или СЗ, а лицо обращено было бы к земле»<sup>7</sup>.

Восточная ориентация сближается с южной и представляет собой семантический комплекс «мужское–чистое–верхнее». Ее положительное (благое) значение выражено в конструкции ненецких святынь, где установленные идола-сядаи всегда обращены глазами на восток. В эту же сторону, как сообщает К. Моманов, направляют насаженный на шест череп жертвенного оленя<sup>8</sup>. Семантическая неразделимость Востока и Юга прослеживается в описании А. Норденшельдом жертвенного холма на юго-западном мысе о. Вайгач: среди прочих деталей шведский путешественник отмечает расположение культового комплекса на юго-восточной стороне возвышенности<sup>9</sup>.

Второй тип ориентаций, лежащих в основе сакральной географии ненцев, включает в себя направления на те объекты природного ландшафта, которым в мифо-ритуальной традиции придается ключевое значение. Одним из главных видов таких объектов являются острова. Особое внимание осмыслению обра-

за священного острова в религиозно-мифологической картине мира народов Европейского Севера России уделено в трудах Н.М. Теребихина. Острова являли собой «локусы инобытия» – сакральные центры иного мира. Священный остров Вайгач определяется как «центр сакральной географии ненцев, их метафизический узел бытия, в котором сплетены все начала и концы самодийской идеи», как «эпицентр ненецкой сакральности, воспроизводивший архетип мировой горы, окруженной водами первобытного океана»<sup>10</sup>. В ненецкой мифологической традиции с комплексом святилищ на Вайгаче генетически связаны другие священные места. По преданию, приведенному Вениамином, первоначально на этом острове почитались два камня-идола – Вэсако и Хэдако («Старик» и «Старуха»). У них было четыре сына, «которые разошлись в разные места по тундрам: Нью-Хег, сын-идол, небольшой утес на Вайгаче; Минисей, возвышение Уральско-го хребта; Ялмал, на западной стороне Обской губы и Козмин перелесок в Канинской тундре»<sup>11</sup>. Остров также наделялся хтонической семантикой и связывался с топографией мира мертвых<sup>12</sup>. В ненецкой ритуальной практике выбор места захоронения предполагает наличие тундровых перелесков, которые ассоциируются с островами. Вениамин упоминает «Халмеровы острова» (от самоедского слова Халмер – покойник). Этим названием маркированы три небольшие перелеска в Большеземельской тундре, где миссионеры обнаружили остатки захоронений. Архимандрит сообщает, что «как сии, так и другие подобные леса у самоедов называются островами, потому что они в безлесой тундре весьма далеко видны, и представляют вид как бы островов, находящихся среди моря или большого озера»<sup>13</sup>. Посещая одно из лесных кладбищ А.И. Шренк отмечает, что лес в этом месте был странным образом искривлен. По мнению путешественника, «обитатели однообразных равнин, которые открывают даже самое малое отступление природы, всегда склонны приписывать местностям, отличающимся каким-нибудь необыкновенным яв-

нием природы, какую-то святость и близкую связь с таинственными силами; потому что в тундре нельзя найти ни одного общественного места самоедов, которое бы не отличалось какою-нибудь особенностью природы»<sup>14</sup>. Таким образом, аномальность является характерной чертой тех локусов, которым в ненецкой традиции придается сакральное значение.

Первый и второй типы ориентаций формируются относительно константной структуры природного ландшафта и постоянных природных циклов. Они образуют статический уровень сакральной географии. Между тем, при рассмотрении образа священного пространства в культуре ненцев необходимо выделить и его динамический уровень, включающий случайные или окказиональные элементы. Подобные ориентации, не привязанные ни к какому объекту, чаще всего актуализируются на утилитарных уровнях культуры. При этом их все же нельзя отнести к сфере профанного. В каждом отдельном случае они определяются шаманом через ритуал и воспринимаются как указания духов-тадебциев, что дает им религиозную основу и позволяет включить их в структуру сакральной географии. М.А. Кастрен приводит описание следующего обряда, в котором, на наш взгляд, достаточно ярко выражен окказиональный тип ориентаций: «Из оленьих рогов образуют на земле круг; в середине этого круга кладут какой-нибудь камешек, а на него крестообразно какой-нибудь кусок железа так, что он легко может свалиться в сторону. Тогда самоед начинает ходить кругом, пока упадет этот кусок в ту сторону, где находится олень, и когда он пойдет по этому направлению, то олень сам прибежит к нему навстречу. Таким же образом ищет он и заблудившихся людей, с тою только разницей, что тогда круг образуется из волос человеческих»<sup>15</sup>.

Можно говорить об отсутствии константных ориентаций первых двух типов в структуре традиционного ненецкого чума. Ни в одном из источников нами не было найдено упоминания о том, что жилище самоедов каким-либо образом ориентировано в соответствии со сторонами света, как это бывает в других культу-

рах. Вместо конкретных направлений в основе модели динамического восприятия пространства выступает круг. Структуру такого образа составляют центр и периферия, где последняя всегда изменчива и относительно первого. Такую динамическую модель описывает А.В. Головнев, который, анализируя «вещное пространство» в ненецкой культуре, отмечает то, что «кочевникам-самодийцам земля представляется “движущейся” относительно их собственного движения»<sup>16</sup>.

Исходя из сказанного выше, можно сделать вывод о том, что в традиционной картине мира ненцев образ земного пространства имеет амбивалентную природу, включая в себя как статический, так и динамический модулы восприятия ландшафта. В основе сакральной географии лежат три уровня ориентаций: ориентации по сторонам света, ориентации на ландшафтные объекты и окказиональные ориентации. Кроме того, особую роль в формировании динамической модели сакрального пространства играет архетип круга.

### Примечания

<sup>1</sup>Хайдеггер М. Искусство и пространство // Самосознание европейской культуры XX века: Мыслители и писатели Запада о месте культуры в современном обществе. М., 1991. С. 96.

<sup>2</sup>Голубцов Н. Вопрос об управлении Самоедами Архангельской губернии (по архивным данным). Ч. 2 // Изв. АОИРС. 1909. № 4. С. 37.

<sup>3</sup>Подосинов А.В. Ех oriente lux! Ориентация по странам света в архаических культурах Евразии. М., 1999. С. 400.

<sup>4</sup>Теребихин Н.М., Овсянников О.В. Святылище «Козьмин перелесок» как памятник традиционной культуры ненцев // Проблемы изучения историко-культурной среды Арктики. М., 1990. С. 232.

<sup>5</sup>Вениамин (архимандрит). Самоеды мезенские // АГВ. 1849. № 11. С. 79.

<sup>6</sup>Хомич Л.В. Представления ненцев о природе и человеке // Природа и человек в религиозных представлениях народов Сибири и Севера. Л., 1976. С. 19.

<sup>7</sup>Шренк А.И. Путешествие к северо-востоку Европейской России. Через тундры самоедов к северным Уральским горам, предпринятое по высочайшему повелению в 1837 г. Александром Шренком. СПб., 1855. С. 468.

<sup>8</sup>Моманов К. Описание Архангельской губернии. СПб., 1813. С. 40.

<sup>9</sup>Нордениельд А.Э. Путешествие вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 гг. Ч. 1. СПб., 1881. С. 82.

<sup>10</sup>Теребихин Н.М. Остров в сакральном пространстве и мифологии народов Европейского Севера России // Поморские чтения по семиотике культуры. Вып. 3: Сакральная география и традиционные этнокультурные ландшафты народов Европейского Севера. Архангельск, 2008. С. 263.

<sup>11</sup>Цит. по: Хомич Л.В. Ненцы: ист.-этногр. очерки. М., 1966. С. 199.

<sup>12</sup>Теребихин Н.М. Указ. соч. С. 260.

<sup>13</sup>Вениамин Об обращении в христианство мезенских самоедов в 1825 – 1830 годах: Записки арх. Вениамина. СПб., 1851. С. 46

<sup>14</sup>Шренк А.И. Указ. соч. С. 277.

<sup>15</sup>Этнографический сборник, издаваемый императорским Русским Географическим обществом. Вып. 4: Этнографические замечания и наблюдения Кастрена о лопарях, карелах, самоедах и остяках, извлеченные из его путевых воспоминаний 1838–1844 гг. СПб., 1858. С. 291.

<sup>16</sup>Головнев А.В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 262.

***Khydyayev Andrey Sergeevich***

Postgraduate Student of the Northern (Arctic) Federal University  
named after M.V. Lomonosov,  
Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences

**SACRED GEOGRAPHY AS A SYSTEM OF SPATIAL ORIENTATIONS  
IN THE ETHNOCULTURAL LANDSCAPE OF THE NENETS**

The article attempts to make a model of sacred geography in the traditional culture of the Nenets. Three types of spatial orientations underlying it are considered. Static and dynamic levels of perception of the natural and cultural landscape in the religious and mythological worldview of the Samoyeds are described.

**Key words:** *sacred geography, space, spatial orientations, cardinal points, sacred places, the Nenets, myth-ritual tradition, cultural landscape, island.*

*Контактная информация:  
e-mail: ordo-ad-chao@yandex.ru*

Рецензент – *Теребихин Н.М.*, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии и религиоведения института социально-гуманитарных и политических наук, директор Центра сравнительного религиоведения и семиотики, директор НОЦ «Этнокультурология и гуманитарная география Арктики» Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова